
А. В. РЯЗАНОВ

**СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
ЭТНИЧЕСКИХ КОММУНИКАТИВНЫХ
ПРОСТРАНСТВ: ДИНАМИКА
И НАПРАВЛЕННОСТЬ**

Коммуникативное пространство этноса как особого вида социума имеет сложную, многосоставную структуру. Его структурные элементы образуют сложную разноуровневую систему соподчиненности и взаимовлияния. Рассматриваемая система потенциально может содержать различное количество переменных, так как существующая в настоящее время ситуация с научным определением понятия «этнос» позволяет соотносить с ним социумы, различные по способу их формирования и находящиеся на разных уровнях социально-экономического и политического развития. Каждый такой уровень будет коррелироваться в рамках каждый раз определенного набора переменных, и удельный вес таких переменных, их реальное влияние на саму коммуникацию будут существенным образом изменяться в зависимости от той стадии развития, на которой находится тот или иной этнос.

Коммуникация в сообществах, находящихся на племенной стадии (на стадии становления этноса), во многом носила сакральный характер. Одновременно коммуникация носила глобальный характер, так как она происходила не только и не столько между членами коллектива, сколько между коллективом (пусть и в лице отдельных избранных представителей) и окружающей природной средой: землей, космосом, умершими предками. Используемые при этом обряды и ритуалы, безусловно, носили одновременно и сакральный, и коммуникативный характер.

С развитием этноса постепенно происходила десакрализация и фрагментация коммуникации. Прежде наполненные смыслом обряды и ритуалы, сопровождавшиеся соответствующими коммуникативными практиками, становились все более схематичными и

рудиментными. По времени это совпадало с общим ростом степени индивидуализации отдельных членов коллектива. Однако, удерживая в рамках внутриэтнических ценностей членов того или иного этноса, этническое коммуникативное пространство позволяло этносу существовать и в этих постоянно изменяющихся условиях. Коммуникативные пространства этносов, включенных в социумы более высокого уровня – государства, постепенно претерпевали изменения, приспособляющие их к новым условиям. Эти изменения касались проникновения или дальнейшего распространения среди членов этноса религиозных ценностей, часто заимствованных, а то и насильственно внедренных со стороны более сильных соседей. В государствах этнические коммуникативные пространства в большинстве случаев определенным образом деформируются, внутриэтнические коммуникации ослабевают, этнические ценности имеют тенденцию к вытеснению ценностями общегосударственными. Общее коммуникативное пространство в таком случае стремится поглотить этнические коммуникативные пространства и становится, таким образом, многослойным. Это усложняет «систему межчеловеческих связей, так как увеличивает число форм и “этажей” коммуникации. Передача в такой системе некоторого сообщения с одного “этажа” на другой требует создания специальных регуляторов, обеспечивающих сохранение общекультурных смыслов, содержащихся в транслируемом сообщении» (Гусев 2002: 76). Коммуникативное пространство современного общества характеризуется нарастанием информационной изотропности, что делает его пространством преимущественно массовых коммуникаций, апеллирующих к обыденному сознанию реципиентов.

Однако, несмотря на некоторую неопределенность количества переменных, определяющих структуру коммуникативного пространства этноса, можно попытаться выделить ключевые из них. Ядро коммуникативного пространства, которое представляет собой своеобразную коннективную (Ассман 2004) структуру, состоит из языка, культурной и коммуникативной памяти, мифов, этнических ценностей, ритуалов и магии, этносоциального опыта, архетипов и мнемотопов.

Коннективная структура ядра – самая устойчивая часть коммуникативного пространства этноса, инновации в нее со стороны

возможны главным образом в случае наступления каких-либо экстраординарных событий: стихийных бедствий, войн, переселений, социальных катаклизмов, принятия новой религии и т. п. Ядро окружено зоной периферии, которая является, по сути, зоной контакта. Контакт происходит между этносом и окружающим миром во всех его проявлениях. В эту зону поначалу попадают новые для этноса информация, явления и отношения. Именно в периферийной зоне коммуникативного пространства все новое, необычное, непривычное для этноса проверяется на соответствие общим принципам ядра коммуникативного пространства данного этноса. Зона контакта выполняет важную функцию адаптации этноса к окружению: именно в ней отбрасывается то, что не нужно для полноценной жизни и развития этноса, а нужное усваивается. То, что усваивается, потенциально, в превращенном виде может перейти в ядро коммуникативного пространства этноса. Такое усвоение в подавляющем большинстве случаев не является слепым и буквальным – оно непременно должно являться творческим. Новые информация, явления и отношения проходят проверку на соответствие основным структурным элементам ядра коммуникативного пространства этноса, и в случае их полезности они могут войти и даже заместить, чаще, однако, лишь видоизменить вышеназванные элементы.

Одной из таких переменных является память. Современные исследователи выделяют несколько видов памяти: миметическую (связанную с деятельностью), историческую, социальную, или культурную (Ассман 2004: 19). Именно память является тем элементом, который скрепляет и создает преемственность в передаче этносоциального опыта от старших к младшим поколениям. Конечно, память сохраняет не все события, произошедшие с представителями того или иного этноса за период его существования, она избирательна. Она сохраняет наиболее важные, ключевые из них, но сохраняет их в превращенном, мифологизированном виде. «Социальная группа, учреждающая как общность воспоминания, оберегает свое прошлое с двух основных точек зрения: своеобразия и долговечности. Создавая свой собственный образ, она подчеркивает различия с внешним миром и, напротив, преуменьшает внутренние различия. Кроме того, она развивает “сознание своей идентичности, проносимой сквозь время”, поэтому “сохраняемые памятью

факты обычно отбираются и выстраиваются так, чтобы подчеркнуть соответствие, сходство, преемственность» (Асман 2004: 41).

Посредством памяти закрепляются и транслируются на новые поколения традиционные поведенческие программы, хозяйственные навыки, досуговые практики, обычаи, ритуалы. Феномен социальной и культурной памяти позволяет сохранить во времени континуитет свойственных этносу ценностей и обеспечить их передачу следующим поколениям. Память является также средством эмоциональной и ценностной переоценки прошлого и настоящего. Она оценивает произошедшие изменения не только как позитивные или негативные, но также указывает на степень и аспекты этих изменений.

Другой такой переменной является язык, который представляет результат длительного развития общественной практики того или иного народа. В том числе и с помощью языка фиксируется и передается наиболее значимая для жизни того или иного этноса информация. Язык является одним из важных элементов, лежащих в основе и определяющих содержание национальной (этнической) картины мира, которая «обнаруживается в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах» (Красных 2002: 11). Мышление народа не опосредуется его языком, однако оно «выражается, фиксируется, номинируется, овнешняется языком, и изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определенного периода, позволяет судить о том, каково было мышление народа, какова была его когнитивная картина мира в этот период» (Там же: 12). В языке сохраняется то, что имеет коммуникативную значимость для представителей того или иного народа, в том числе прецедентные феномены: имена, высказывания, ситуации. Уменьшение количества прецедентных феноменов сигнализирует о неблагополучии в соответствующем коммуникативном пространстве. В языке в явном или неявном виде заложены одобряемые коллективом программы поведения, которые проверены временем и которым стоит следовать каждому человеку. Язык – это часть социальной памяти, а культура «включена» в язык, поскольку «язык как средство коммуникации вбирает в

значения (номинативных единиц в форме энциклопедического, концептуально-эпистемического содержания знака или ассоциаций с акциональными и ментальными фреймами) все, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение» (Радаев 2004: 12).

Не менее важным для коммуникативного пространства этноса является специфика закрепленных традицией коммуникативных практик. Коммуникативные практики представляют собой типичные формы и приемы ведения общения и передачи информации, распространенные среди представителей какого-либо народа. Они могут варьироваться в достаточно широких пределах. Сохранение таких практик, даже в случаях частичной утраты языка отдельными носителями этнического начала, позволяет соответствующему коммуникативному пространству достаточно долго удерживать их в своих пределах. Традиционные коммуникативные практики лежат в основаниях социального капитала, который не является атрибутом какого-либо отдельного человека (Радаев 2004: 5), но является залогом успешности хозяйственной деятельности того или иного коллектива, и обуславливают особенности адаптации его представителей к изменяющимся условиям существования. Сохранение традиционных коммуникативных практик (соответствующих дистанции общения, степени интенсивности, степени эмоциональной вовлеченности, частоты) позволяет обеспечивать интересы всего коллектива в целом и каждого отдельного человека в частности. Таким образом, коммуникативные практики имеют двойное назначение: с одной стороны, они обеспечивают континуитет соответствующего коммуникативного пространства, с другой стороны, способствуют хозяйственной состоятельности того или иного человеческого коллектива, особенно в условиях его окружения другими подобными коллективами.

Важным элементом культуры, лежащим в основании коммуникативного пространства этноса, являются мифы. Мифы являются исторически первыми формами систематизации смыслов. «Человек живет в мире смыслов, организованных, прежде всего, в тот или иной миф... Конкретный индивид ограничен в выборе мифа. Изменить усвоенную систему смыслов так же сложно, как и поменять

предмет истинной любви» (Бородавкин 2004: 168). Мифологии, распространенные среди этнических групп, явились материалом, на основе которого были образованы все современные конфессии, но они использовали лишь часть из огромного разнообразия мифов. Более поздними по времени возникновения являются политические мифы, которые получили в современном мире самое широкое распространение.

Ранние мифы не только объясняли окружающий мир, они «проживались» членами коллектива, были включены в «сельскохозяйственный календарь», являлись неотъемлемой частью коммуникативного пространства того или иного этноса. «Поскольку Вселенная мыслилась как родовая община, все в ней было связано в единое целое. А иначе и быть не могло: родовая община могла существовать лишь в том случае, если она была едина. Целостность общины – главное условие ее выживания и успешного функционирования» (Гасилин 2003: 55). Как и язык, мифы лежат в основании национальной (этнической) картины мира и определяют ее конкретное содержание.

Важным элементом, лежащим в основе коммуникативного пространства этноса, являются духовные ценности, разделяемые членами данного сообщества. «Ценность – это “этические приказы”, управляющие действиями людей; это экспликация того, какой смысл и какое значение люди придают своим действиям» (Асп 2000: 120). Именно поэтому их значение применительно к рассматриваемому нами сюжету сложно переоценить. Ценности не только создаются и передаются только в процессе коммуникации, но они опосредуют ее во всех проявлениях. Это означает, что изменения в использующихся видах коммуникации, появление новых ее видов с неизбежностью влекут изменения в ценностных ориентациях и пристрастиях членов рассматриваемого сообщества. Трансляция собственных этносу ценностей обеспечивает сохранение его коммуникативного пространства, а следовательно, его самого во времени. Соответственно диверсификация и фрагментация традиционных для этноса ценностей подрывают групповую сплоченность и уменьшают шансы воспроизводства и сохранения структурных элементов соответствующего коммуникативного пространства. Ценности всегда являются конкретно историческими и цивилиза-

ционно обусловленными. Термин «общечеловеческие ценности» не имеет реального наполнения и используется в подавляющем большинстве случаев в целях манипуляции.

Для сохранения коммуникативного пространства крайне важным является факт наличия у этноса соответствующего физического пространства, то есть территории, или «мнемотопа» («мнепотопов» – в терминологии Я. Ассмана), связанного с его этногенезом и важнейшими событиями этнической истории. Эта связь с родной землей в умах этнофоров часто является сакральной, и отделить коммуникативное пространство от пространства физического на личностном уровне представляется весьма затруднительным – они сливаются в единое целое. Физическое пространство находит свое выражение в языке в виде географических названий – топонимов, гидронимов. Они, как правило, оказываются как раз тесно сопряженными не только с важнейшими событиями истории того или иного этноса, но и с ментальными структурами его членов, предоставляя материал для формирования соответствующей ему картины мира. Даже в случае утери этносом его территории эта связь не прерывается, что является источником неутихающей боли многих его членов. Наглядным примером тому является армянский этнос, а утерянной территорией – территория западной Армении (ныне находящейся в составе Турции).

Коммуникативное пространство этноса находит свое выражение в габитусе, понимаемом как приобретенная система порождающих схем, которая делает возможным свободное продуцирование любых мыслей, восприятий и действий, свойственных особым условиям производства данного габитуса (Бурдьё 2001: 106). Так же и габитус существует во многом благодаря наличию и функционированию соответствующего коммуникативного пространства, изменения в одном из них влекут неперемные изменения в другом. Однако эта зависимость вряд ли будет линейной. «Габитус обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени» (Там же: 105). Габитус тесно связан с этносоциальным опытом, который то-

же организуется и корректируется соответствующим коммуникативным пространством. В процессе развития общества происходит постепенное изменение баланса между Я- и Мы-идентичностями в сторону Я-идентичности (Элиас 2001: 280).

Коммуникативное пространство этноса не является константой, оно подвержено динамическим и структурным изменениям. Так, оно может быть статичным, а может динамично изменяться в зависимости от специфики текущей ситуации. Некоторые переменные, лежащие в основании его структуры, например факт наличия у того или иного этноса родного языка, могут в определенных ситуациях выпадать из системы (естественно, такое событие не может произойти вдруг и сразу). Функции родного языка, естественно, со всеми из этого вытекающими издержками, может выполнять и другой язык. Также могут быть подвержены выпадению из системы и последующему замещению этнические ценности, серьезным модификациям может быть подвергнута историческая и социальная память. Однако во всех этих случаях коммуникативное пространство этноса не исчезает, а происходит его перегруппировка, хотя бы и за счет снижения плотности и насыщенности циркулирующих внутри него этнически обусловленных коммуникативных потоков. При этом общая интенсивность циркуляции коммуникативных потоков может даже нарастать, но они будут нейтральны или даже негативны по отношению к этническому началу.

Для современного глобализирующегося мира характерна высокая скорость экономических, социальных и политических изменений. Они вызываются и сопровождаются существенным расширением возможностей передачи информации, а следовательно, традиционные системы коммуникации постепенно оттесняются на периферию, при этом видоизменяясь и приспособляясь к новой ситуации. Однако представляется, что нарисованная выше картина линейна и не вполне адекватно передает реально существующее положение вещей. Адепты традиционных систем коммуникации в ряде случаев стараются (иногда с успехом) использовать открывающиеся с появлением новых СМК возможности в целях продвижения и пропаганды своей системы ценностей. Но следует признать, что это скорее исключение из правила, чем обычная ситуация.

В связи с профессионализацией многих коммуникативных практик рядовой гражданин часто перестает или гораздо реже, чем ранее, позволяет себе соприкоснуться с традиционными, в том числе и этническими, ценностями. Даже в тех случаях, когда ему это удастся, такое общение в большинстве случаев становится более формальным, а значит и менее для него важным. Таким образом, этническое коммуникативное пространство чем дальше, тем больше начинает видоизменяться, переконфигурироваться, утрачивая свою плотность и аутентичность. Такая ситуация (при всех подчас существенных различиях) характерна для современных России, стран Запада и США. Эти общества переживают сходные ценностные изменения, которые являются результатом роста степени индивидуализации их членов, что сопровождается отчуждением людей друг от друга и интересов общества в целом. «Новый индивид становится источником фрагментации общества и воспринимает даже события собственной жизни как совокупность не связанных между собой эпизодов» (Федотова 2005: 85).

Все структурные элементы коммуникативного пространства этноса (язык, коммуникативная и культурная память, ценности и др.) находят свое внешнее выражение в коммуникативном поведении этнофоров. Однако они не только отражаются в нем, но и посредством его транслируются и закрепляются. Поэтому меняющееся под воздействием продуктов массовой культуры коммуникативное поведение имеет тенденцию становиться чуждым традиционной этнической культуре и, таким образом, мало-помалу разрушает, деформирует этнические коммуникативные пространства.

Представляется, к сожалению, что единственной возможностью сохранить традиционное коммуникативное поведение (вербальное и невербальное) является вытеснение инокультурных коммуникативных потоков, тиражируемых СМИ и СМК. Это должно происходить через замещение их этнически (национально) ориентированными потоками в новой красивой упаковке, которые должны тиражировать и пропагандировать местные культурные образцы, поставляя, таким образом, качественный продукт, не уступающий лучшим зарубежным образцам. «Коммуникативное поведение характеризуется определенными нормами, которые позволяют охарактеризовать конкретное коммуникативное поведение как норма-

тивное или ненормативное» (Стернин 1996: 98). В ситуации трансформации в обществе происходят динамические структурные подвижки во всех его подсистемах. Это находит свое выражение в коммуникативном поведении его членов: нормативное поведение «расшатывается» и в гораздо более частых случаях, чем раньше, замещается ненормативным.

О нормах коммуникативного поведения можно говорить в трех аспектах: общекультурные нормы, ситуативные нормы и индивидуальные нормы (Там же: 98). Общекультурные нормы общения национально специфичны. То, что является нормой в русской культуре, может быть нарушением в иноязычной культурной среде. Если ребенок или подросток видит и ориентируется на те образцы, которые получает по каналам СМИ и СМК, то они постепенно интериоризируются и становятся для него и его среды нормативными даже в том случае, если не вписываются в контекст его реальной жизни. Усвоение через подражание является механизмом трансляции и закрепления установок и норм, необходимых для жизни в конкретном обществе. Если усваиваются неорганичные в данном контексте нормы, в том числе и нормы коммуникативного поведения, то на уровне такого индивида происходит разбалансировка желаний и устремлений. При этом традиционные ценности и нормы кажутся немодными и устаревшими, а интериоризированные потребительские ценности для многих недоступны. Для них существует «виртуальное (СМИ) и вторичное общество потребления (рынок подержанных и фальсифицированных товаров). Иначе говоря, это большинство живет в тени общества потребления: оно его ощущает, но может пользоваться его благами в очень ограниченных и суррогатных формах» (Ильин 2005: 39).

Таким образом, направленность происходящих с коммуникативными пространствами этносов изменений легко просматривается. Во многих случаях можно наблюдать нарушение баланса между различными элементами его структуры, разрушение ценностного ядра. Это сопровождается ростом индивидуализма и отстранением от коллективистских ценностей. Этническая идентичность все чаще начинает соперничать с иными идентичностями, которые порождаются и транслируются СМИ и СМК.

Свойственная русской культуре ориентация на содержание, примат содержания над формой вытесняются и заменяются свойственной странам Запада в целом ориентацией на форму. Это касается в том числе и коммуникации. Форма, выходя на первый план, броская, яркая, часто театральная, оттесняет содержание на второй план, а иногда и просто выводит его из «игры» (Рязанов 2005: 142). Новые формы подачи материала, используемые СМИ, новые формы организации демонстративных коммуникаций на местной российской «почве» наполняются не свойственным им содержанием. Прежнее содержание, мифы, ценности, пусть и плохо оформленные, были все же своими. Проникновение и распространение новых мифов вызвали у значительной части граждан кризис идентичности. Предлагаемые новые идентичности более или менее успешно усваиваются представителями молодого поколения, в то время как представителям старшего поколения в этом отношении приходится намного труднее. Ситуация усугубляется также тем, что именно последние оказались наиболее пострадавшими в результате реформ.

Применение современных PR-технологий многими акторами в социальной, культурной, политической и экономической сферах ведет к массовому производству и продвижению различного рода имиджей, брэндов в культуре, политике, экономике, которые нередко конфликтуют друг с другом, и эта конкуренция создает огромное количество шумов. Эти шумы, поскольку производятся сознательно специалистами в данной области, создают достаточно агрессивную среду, которая глушит традиционные виды коммуникации, в том числе и межличностную, и внутриэтническую. Та часть общества, которая в результате проведения реформ оказалась на обочине социальной жизни, остается практически не задействованной современными коммуникативными потоками и процессами. Для них наступил период архаизации. Значительная их часть, утратив традиционные для себя ценности, новых не приобрела, становясь, по сути дела, питательной основой для производства новых люмпенов. Освоение частью населения России виртуальной реальности через Интернет синхронно сопровождается расширением субкультуры бедности, даже не с «архаическими» коммуникативными практиками, а часто с практиками асоциальными. В резуль-

тате складывается своеобразная ситуация: разные слои современного российского общества живут как бы в разных временных измерениях, и разрыв между этими измерениями в настоящее время имеет тенденцию к увеличению.

Выигравшие от реформ слои населения разной этнической принадлежности охвачены иными формами коммуникации и в большинстве своем ориентируются на стандарты потребительского общества. Таким образом, глобализация экономики и коммуникативного пространства втягивает в себя наиболее успешные в экономическом плане слои общества. Зрелищные и игровые начала современных коммуникативных потоков вытесняют старые коммуникативные практики, и, таким образом, в обществе усиливаются процессы стратификации, что зависит в том числе и от возможностей доступа к новым коммуникативным практикам.

Таким образом, коммуникация становится все более и более формальной, что ведет к «освобождению» человека от личностного общения. Появление такой возможности наряду с разрушением традиционного ценностного ядра не только коренным образом меняет формы и содержание коммуникативных процессов, но и приводит к разрушению межличностных связей внутри социальных и семейных групп, а также к разрушению коммуникативного пространства этноса. Поскольку в такой ситуации пожилые люди перестают быть авторитетными для своих детей и внуков, то трансляция этносоциального опыта становится затруднительной и этот опыт в широком смысле слова остается невостребованным. «Характер участия людей в жизни друг друга тоже изменился. Хотя нет данных, что люди стали меньше общаться, их взаимные связи имеют тенденцию становиться менее постоянными, налагающими меньше обязательств и включающими меньшее количество участников» (Фукуяма 2003: 13). Таким образом, степень индивидуальной свободы существенным образом возросла, но индивидуализм как «фундаментальная ценность современного общества незаметно начинает переходить к гордой самостоятельности свободных людей в род замкнутого эгоизма, для которого целью становится максимизация персональной свободы без оглядки на ответственность перед другими людьми» (Там же: 72).

Разумеется, вышеназванные процессы в большей степени характерны для крупных и средних городов, но и строй сельской жизни все большего количества государств тоже постепенно меняется в этом направлении. Динамика подобных изменений имеет тенденцию к возрастанию.

Динамика изменения коммуникативного пространства этноса зависит от жесткости и силы новых центров тяготения, генерирующих идентичности. Они выступают конкурентами в борьбе за контроль над личностью, индивидуальное коммуникативное пространство постепенно становится как минимум двухслойным. Динамика изменений будет еще выше, если одновременно с этим проявляют свое действие другие дестабилизирующие коммуникативное пространство факторы. К их числу можно отнести экономический, связанный, возможно, с появлением и распространением новых видов деятельности, новых технологий, которые меняют традиционный хозяйственно-культурный тип этноса. В этом случае часто происходит не просто нарушение устоявшихся связей и отношений между людьми. Представители старших поколений медленнее осваивают инновации, они чаще проигрывают экономическое соревнование своим молодым соплеменникам и, соответственно, чаще теряют свой социальный статус. «В условиях нестабильного общества разрушение межпоколенческих и внутриспоколенческих норм, связей и отношений является одним из аномических проявлений, несущих в себе как элементы деструктивности, так и инновационности» (Шахматова 2003: 242). Разрыв вышеназванных связей и отношений дестабилизирует коммуникативное пространство этноса, делает его дискретным, создавая барьеры в коммуникации. В любом случае в этническом коммуникативном пространстве происходят определенные перемены, в результате которых могут изменяться ценностные ориентации индивидов. Эти изменения могут иметь своим результатом нарушение баланса идентичностей втянутых в эти процессы этнофоров.

Подобные изменения могут быть спровоцированы также действием других факторов, например религиозного фактора. Религиозные коммуникации по-новому переконфигурируют коммуникативное пространство этноса, вытесняя на периферию те культурные пласты, которые были связаны с прежним «сакральным опытом»,

с прежними религиозными практиками. Однако такое вытеснение редко бывает полным. И этот опыт, и эти практики, показывая жизненную силу, периодически выходят на поверхность. В таком случае происходит взаимопроникновение конкурирующих коммуникативных пространств и образуется их своеобразный симбиоз, в котором подчас причудливо сочетается несочетаемое. Религиозное коммуникативное пространство стремится расшириться и поглотить коммуникативное пространство этноса. Динамика таких изменений обычно бывает сравнительно невелика, но в таких случаях многое зависит также от действия других факторов. Если новая религия внедряется насильственным образом, то оба коммуникативных пространства могут сосуществовать параллельно достаточно долго, так как потенциально этническое коммуникативное пространство может уже иметь эндогенную систему веры с достаточно разработанными атрибутами и ритуалами.

Существенное влияние на динамику изменений этнического коммуникативного пространства оказывает социально-политический фактор. Возникновение и распад империй, возникновение новых государств (причем иногда не самопроизвольные, а искусственные, как в случае со многими государствами Африки), распространение социально-политических доктрин посредством СМИ порождают мощные коммуникативные потоки, циркулирующие помимо внутриэтнических коммуникаций. Эти потоки размывают этнические коммуникативные пространства, переориентируя этнофоров на другие ценности и предоставляя им иные идентичности. Динамика подобных изменений зависит как от плотности внутриэтнических коммуникативных потоков, так и от специфических особенностей проявления социально-политического фактора.

Поскольку динамика коммуникативного пространства этноса нарастает в эпоху социальных и политических перемен, которые сопровождаются модернизационными процессами и борьбой за завоевание или удержание статуса этноса или этнической группы, то она является выражением явного или латентного конфликта. Этот конфликт может иметь различный характер: экономический, статусный, этнополитический и др. Динамические изменения этнического коммуникативного пространства часто бывают связаны с необходимостью проведения этнополитической мобилизации и со-

провожают ее. В целях ее лучшего проведения на базе этнического коммуникативного пространства элитами, интеллигенцией формируются этнические идеологии.

Динамические изменения в коммуникативном пространстве этноса условно можно разделить на позитивные и негативные. Позитивные ведут к укреплению этнического коммуникативного пространства за счет сохранения, укрепления его структурных элементов и их взаимосвязей. Негативные динамические изменения фиксируют рассеяние и разрежение коммуникативного пространства путем выпадения одного или нескольких элементов структуры (например утраты родного языка и/или традиционной культуры). Негативные изменения могут выражаться также в ослаблении взаимосвязей между этими элементами.

Позитивные динамические изменения характерны для этносов, которые мобилизованы в этническом плане и находятся на пути реализации этнических целей – повышения своего статуса, получения автономии или даже возможности самостоятельного государственного развития. Такие изменения характерны для коммуникативных пространств тех этносов бывшего Советского Союза, которые улучшили свое положение по сравнению с тем, что они имели в составе СССР. Например, коммуникативное пространство казахского этноса окрепло после создания в 1991 г. государства Казахстан.

Негативные динамические изменения этнического коммуникативного пространства фиксируются либо в случае ассимиляционных процессов, то есть растворения этноса в рамках более крупного и статусного этноса, либо в случае смещения доминанты развития в сторону достижения иллюзорных целей (построения коммунизма или какой-нибудь другой утопии), когда этнические ценности, традиции уходят на второй план и этническая идентичность вытесняется классовый, общегражданской и др. Так было в СССР даже с самым многочисленным народом – русским, и все равно, несмотря на все усилия идеологов, «советского народа» не получалось, «тогда как приносимая ему в жертву естественная идентичность все равно выживала, хотя и в изуродованном виде» (Панарин 1994: 3).

Этнос как вид социума может полноценно существовать лишь при наличии соответствующего ему коммуникативного пространства, которое является результатом длительного процесса формирования этноса. Этническое коммуникативное пространство является тем средством, которое обеспечивает трансляцию этнических ценностей, этносоциального опыта во времени. Динамика коммуникативного пространства этноса проявляется в ситуациях, когда этнос сталкивается с какими-нибудь вызовами, обусловленными действиями одного или нескольких факторов различного происхождения. Динамика в таком случае является результатом адаптации этноса к изменяющимся условиям существования. С точки зрения направленности изменений можно выделить позитивную и негативную адаптации. Позитивная адаптация направлена на улучшение положения этноса с точки зрения факторов его окружения. Негативная адаптация представляет собой изменения, фиксирующие рассеяние этнического коммуникативного пространства, его замещение иными коммуникативными пространствами при сохранении, может быть, даже улучшении материальных условий существования конкретных носителей этнического начала. Однако количество и качество этничности при негативной адаптации будет ниже по сравнению с предшествующим этапом существования этноса.

От динамики этнического коммуникативного пространства зависит скорость адаптационных процессов, которые могут привести либо к укреплению этноса, либо к его более или менее быстрому рассеянию и растворению в других коллективных идентичностях. Современный динамично развивающийся мир демонстрирует нам разную направленность развития этнических коммуникативных пространств, которая зависит от целого ряда факторов различного происхождения: религиозных, экономических, социально-политических, технических и др. Глобализирующийся мир предоставляет личности (по крайней мере, в государствах «золотого миллиарда») целый «букет» идентичностей, и этническая идентичность – лишь одна из многих. В развивающихся странах этническая идентичность в значительной степени сохранила свою значимость и является в них одной из важнейших.

Литература

- Асп, Э.** 2000. *Введение в социологию* / пер. с фин. СПб.: Алетейя.
- Ассман, Я.** 2004. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* / пер. с нем. М. М. Славской. М.: Языки славянской культуры.
- Бородавкин, С. В.** 2004. Гуманизм в культуре и культура в гуманизме. *Вопросы философии* 5.
- Бурдые, П.** 2001. *Практический смысл* / пер. с фр. СПб.: Алетейя.
- Гасилин, В. Н.** 2003. Архетипы идентификаций и их проявления в начале истории. *Человек. История. Культура: исторический и философский альманах*. Саратов: ПАГС 2.
- Гусев, С. С.** 2002. *Смыслы возможного. Коннотационная семантика*. СПб.: Алетейя.
- Ильин, В. И.** 2005. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность. *Мир России*. Т. XIV. № 2: 3–39.
- Красных, В. В.** 2002. *Этнолингвистика и лингвокультурология: курс лекций*. М.: ИТДГК «Гносис».
- Панарин, С.** 1994. Национализм в СНГ: Мировоззренческие истоки. *Свободная мысль* 5.
- Радаев, В. В.** 2004. Социальный капитал как научная категория. *Общественные науки и современность* 4.
- Стернин, И. А.** 1996. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры. *Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей (с. 97–128)* / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН.
- Рязанов, А. В.** 2005. Социокоммуникативная ситуация в современной России. Проблемы системной трансформации современного российского общества. *Материалы I Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции (28 марта 2005 г.)* (с. 141–147). ЧП (филиал) УрАГС.
- Федотова, В.** 2005. Жизнь как вид бизнеса. *Политический класс* 9: 85–94.
- Фукуяма, Ф.** 2003. *Великий разрыв* / пер. с англ.; под общ. ред. А. В. Александровой. М.: ООО «Издательство АСТ».
- Шахматова, Н. В.** 2003. *Поколенческая организация современного российского общества*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та.
- Элиас, Н.** 2001. *Общество индивидов* / пер. с нем. М.: Праксис.
- Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии.** 2002. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т.